

ОТБОРОЧНЫЙ ТУР

Живет в Астане (Казахстан). Визитная карточка автора, желающего принять участие в 1-м туре конкурса.

Красный джаз

В кровь декабря и в солнце марсельезы,
Вольтеровской композы нотный ключ,
Век девятнадцатый вложил, ну как отрезал,
И красный джаз с тех пор в ушах звучит.

Во льдах Невы сенатского пролога,

Благословенный с горна начинал,
Стволов раскатных, верняком из гроба
Или с небес октавы различал.

На виселицах струны роковые,
Рвались в многоголосье, - в такт, не в такт,
И авангард, пленивший всю Россию,
По днесь, тем ритмом отбивает факт.

А дальше взвились лучшие солисты,
Вот, Герцен, - соло, колокол* малин, -
Нежнейше красных, - дар свободы чистой,
Исполнил в споре вольных мандолин.

Блестяще партию гвоздей сыграл Рахметов,
На ноты Чернышевского, - столпа,
Народной воли скрипки и кларнеты
Так зазвучали, как же не отпасть.

Стоп сердце, - ритмом колотушки,
Сразили волю в Спасе на крови,
Святейший царь за не понюх полушки,
Аккордом взрыва оборвал свой миг.

Всё понеслось и не было антракта,
Страх, - перепонки начали дрожать,
Глагол - Плеханов, инструмент, - стаккато,
И юный Ленин, с песней, - побеждать.

Вступила Дума: скрипочки, - эсеры,
Кадеты - честь, кадеты - навсегда,
Но фон - гроза, грохочет гром без меры,
И песня смерти, - красная страда.

Колокола - басы, вновь барабаны,
Пурпурно красных капель в темя дробь,
Стучит по сердцу не закрытым краном,
Гобой диктата, - крышка, стон и гроб.

Дуэт усато – левый: Ленин, - Сталин,
Вокал мощнейший, - глохнуть, не смотреть,
Концерт: «семнадцать», - равенства и стали,
В коммуне стопом, всем дано сгореть.

В апофеозе социальном братства,
Слезой лУковок смели к земле кресты,

Хор ангелов из неземного царства,
Молил за нас и пел своё: прости.

Как стаи птиц, за тучи улетали,
Отпевы русские звучали и звучат,
И струны тихие играют и играли,
Ждёт небо нас, - там есть кому встречать.

Сегодня музыку другую нам играют,
И нас зовут в совместный вой, - экстаз,
А вдруг получится, и в струнах новый драйвер,
Даст сбавить нам сирени майский джаз.

Колокол - журнал, который издавал Герцен и Огарёв

Магеллан. Кругосветка

Пролог

Да есть ли там конец у этих волн и моря,
Весь в мыслях, Магеллан, впивался в горизонт,
То, что задумал он, по смелости историй,
Превосходило всё и дерзость, и закон.

Родимый Синлукар, испанская тревога
Накрыла синим дымом пороха стволов,
Летел во след салют и только веру в Бога
Стук сердца понимал среди чаек голосов.

Тугие марселЯ, как грудь испанок юных,
Гнал ветер на закат, до зелени Канар,
И радостью небес в душе звенели струны,
Ну здравствуй, океан, теперь я твой корсар.

Вчера ещё клял всё, терпенье на исходе,
С поминками несли загробный звон дукат,
Который вёдра слёз купеческого рода,
От жадности пролил, учти сие прелат.

Две сотни истинных головорезов,
Святым отцам несут свои грехи,
Для очищенья души их отверзлись,
Чтобы не выпачкать акулы потрохи.

Катились вин запаянные бочки,
В мешках сушёный хлеб, потом добыча крыс,
Соль вяленым шмоткам, отменно ставит точки,
И животам трюмов всё это надо скрыть.

И вот уже орут на Тринидаде,
Три бочки вскрыты, бьются черпаки,
За пряности, что будут им наградой,
За золото и боль родной тоски.

Грот - реи осеняют зябь крестами,
Спят конопатчики в сетях, угомонясь.
И только Магеллан, вкус не впитав с глотками,
Поверил твёрдо, - кругосветка началась.

Пять каравелл, пять белых альбатросов,
Испанской вольницы, царицы злых широт,
Великих тайн, - ответов на вопросы,
Глотнёт по полной, королевский флот, -

Ценою жизни, цели не нарушив,
Поймёт, как вездесущая вода,
В ладонях волн, оберегая сушу,
Пред ним смирится тихо навсегда.

И духу бурь, владельцу океанов,
Таким же как слеза, солёным навсегда,
Признавшему победу Магеллана,
Бывать придётся тихим иногда.

Поворот

Там над морем солнце, красное вдали,
Не туда ли вечно тянет корабли,
Что же это тучи, синие у скал,
Там ли обреченный смерть свою искал.

Что же тот понурый, дошагав домой,
Не услышит тихо,- здравствуй, дорогой.
Смятая тетрадка, кресло за столом,
Нарисует ручка строчки не о том.

Как же получилась, каторга во всём,
Будто на закланье, мрачные идём,
Обреченный плачет, - время потерял,

Холодом пугает серых скал, оскал.

Тать, залётный, дерзкий где-то здесь чудил,
Образ, как икона, перед ним застыл.
Испытала горечь строчками тетрадь,
Хочет затвориться и в межкнижье встать.

В горизонт за море заходил закат,
Злые к,ординаты не отдали клад,
Клипер быстрокрылый к берегу летит,
Капитан жжёт трубку, кокою дымит.

Персонажи сцены просят пощадить,
Просят по другому завтра подарить,
Вырваться и бросить обреченный край,
Господи, наш Святой, ты же нам подай,

Либо в сон знаменье, либо в забытьё,
А за ним прозреньё, кто сплёл суравьё,
Вырви ключ затвора серой полосы,
Вырви у години бесовы часы,

Запусти нас в новый, свежий лабиринт,
Где восторг на реях, где смеётся Флинт,
За кормою чаек суетливый гвалт,
Смех летит с каюты, той, что я запал.

Наконец то, вижу горизонты дел,
Перлы завершений, радостный предел,-
Господи присущий, паруса надежд
Стонут от напруги, как же ветер свеж,

Альбатрос, дружище, утро настаёт, -
Рвётся флаг на мачте, - мы летим вперёд.

{jacomment off}